

Д. Б. Терешкина

ПОМЯННИКИ В ФОНДАХ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ НОВГОРОДСКОГО МУЗЕЯ

Публикуемая в настоящем сборнике статья является своего рода продолжением начатого в прошлом выпуске «Новгородского исторического сборника» обзора разного типа эго-документов, хранящихся в Новгородском музее (НГОМЗ) и до сих пор не привлекавшихся к рассмотрению¹. На этот раз предметом нашего внимания стали помянники.

Помянником (или поминанием) называется тип синодика, в котором записаны имена умерших и живущих лиц для церковного поминания². Определить видовую принадлежность помянников достаточно сложно: они очень разнообразны по форме и содержанию. Помянники как разновидность синодиков рассматривает, в частности, И. В. Дергачева³ и другие исследователи⁴. Однако традиции помянников (того типа, что рассматривается в настоящем обзоре) восходят прежде всего к диптихам – табличкам со списком имен живых и умерших, предназначенным для церковного поминовения. Изначально имевшие восковое покрытие, на котором записывались имена, диптихи носили служебный характер, постоянно поновлялись, изменялся состав списков имен. Русские синодики, чаще всего составлявшиеся в монастырях, кафедральных соборах и на приходах, редко представляли собой только список имен. В них содержались статьи нравоучительного характера, часть «Чина в неделю правосла-

---

¹ Терешкина Д. Б. Записные книжки дореволюционного периода в фондах Отдела письменных источников Новгородского музея // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2016. Вып. 16 (26). С. 260–284.

² Об истории изучения синодиков см. Левицкая Н. В. Синодики-помянники в русской историографии XIX–XX вв.: (Источниковедческие аспекты) // История и культура Ростовской земли. Ростов–1992. Ростов, 1993. С. 112–118.

³ Дергачева И. В. Древнерусский синодик: Исследования и тексты. М.: Круг, 2011. С. 11.

⁴ См., напр.: Цытин В. А., Бутырский М. Н., Ткаченко А. А. Диптих // Православная энциклопедия. Т. 15. С. 390–394.

вия», общее поминовение царей, патриархов, митрополитов, епископов и т. д. (в зависимости от состава текстовой части синодики разделяются на вселенские, помянники и синодики с предисловиями)⁵. Однако число вариаций состава в конкретных рукописях, несомненно, значительно расширяет видовой ряд синодиков и помянников.

Предметом нашего рассмотрения явились помянники – так мы обозначаем тот тип документов, которые представляем в настоящем обзоре. В отличие от синодиков, большинство из описываемых здесь рукописей является «диптихом» – т. е. списком имен умерших и здравствующих, без каких бы то ни было дополнительных текстов или их фрагментов. Таким образом, мы имеем дело с частными помянниками, отождествлять которые с синодиками (даже терминологически) вряд ли правомерно. Сами составители помянников иначе как «поминание» их не называют (кроме исключительных случаев, например, помянника 37003 / КР 426, начатого в XVII в. и именованного его первым составителем «синодиком, сиречь помянником», однако рукопись представляет собой прежде всего сборник текстов, а потому по содержанию приближается прежде всего к синодику). Поминанием является церковная записка за здравие или за упокой, т. е. своего рода разовым помянником, подаваемым к церковной службе. Помянниками (поминаниями) назывались и по сей день именуется книжечки (чаще всего небольшого формата) с записанными в них именами усопших и здравствующих лиц, которые ведутся в благочестивых семьях (прочие, посещающие церковь достаточно редко, обходятся разовыми поминаниями в виде записок). Помянники передавались из поколения в поколение, хранились у божницы с домашними иконами и подавались на оглашение во время службы и прочитывались самими владельцами помянников в домашней молитве.

Судя по одинаковому или близкому к стандарту формату рукописных помянников, однотипности их художественного и текстового оформления, общей характеристики помянников как «малых книг» (содержащих, подобно полнотекстовым книгам, кожаные переплеты, застежки, рисованные заставки и рамки и проч.), помянники делались массово как «заготовки» для индивидуальных помянников; купившему такой помянник владельцу оставалось внести в рамку свое имя и (реже) дату начала его ведения. Судя по всему, продавались книжечки-заготовки «поминаний» в монастырях – по крайней мере, можно предположить, по имеющимся в нашем распоряжении рукописям, что в Кирилло-Белозерском монастыре такая практика существовала. Однотипные рукописи-«заготовки» для помянников стали прообразом печатных помянников, издававшихся затем многотысяч-

---

⁵ Дергачева И. В. Древнерусский синодик... С. 9–19.

ными тиражами и по типу совпадавшими с предшествовавшими им рукописными помянниками.

Впрочем, миниатюрные книжицы в кожаном переплете и художественным оформлением титульных листов были доступны далеко не всем. Чаще всего помянники представляют собой сшитые блоки листов, оформленные достаточно скромным переплетом, зачастую самостоятельно сделанным из подручных средств.

Примечательным фактом является наличие однотипных (вернее, одинаковых по внешнему виду) помянников даже в рамках такого скромного и стихийно оформившегося собрания, как корпус помянников в фондах Новгородского музея. Помянники близкого художественного оформления, формата и переплета из Кирилло-Белозерского монастыря КП 32209 – 12 / КР 390 и КП 32209 – 10 / КР 388, помянники под шифром КП 43343 / КР 525 и КП 43343 / КР 526, каждый в одинаковом металлическом переплете и оба принадлежавшие жителям одной деревни (Дубровка), несомненно, связаны историей своего бытования. Вероятно, помянники покупались либо в ходе совместного паломничества к святым местам, либо как памятный подарок и одновременно нужная вещь себе и соседу, знакомому и т. д. Полное совпадение детских помет, сделанных синим карандашом, в помянниках из деревни Дубровка может свидетельствовать о том, что их владельцы были связаны родственными узами или что помянники хранились какое-то время в одной семье.

«Поминания» передавались из поколения в поколение не только как собственно помянник, содержащий памяти имен усопших, которых не хотели забывать представители рода, но и как достаточно ценный предмет. Этому предположению служат доказательством факты использования помянников последующими их владельцами, которые удаляли листы прежнего именника (не важного для индивидуального поминания), используя для записей имен своих близких людей оставшиеся чистые листы.

Датировка помянников обычно дается по самому кодексу и (чаще всего) первым записям в нем. При этом записи в одном кодексе могут продолжаться в течение десятилетий и даже веков.

Вряд ли возможна атрибуция помянника одному лицу – только, вероятно, первому автору записей в нем, имя которого часто можно видеть в записи другим почерком уже в числе имен, поминаемых за упокой. Помянники часто меняли своих владельцев – по мере отхода в мир иной тех, кто их начинал. Новые владельцы не только продолжали список имен умерших или родившихся членов рода или близких людей (в том числе первого владельца помянника), но и дописывали свое имя как владельца помянника под именем его первого составителя.

Важно отметить, что помянники, в отличие от синодиков, представляли собой «книгу жизни» в буквальном понимании. Синодики с текстами, напоминающими о смерти и Страшном Суде, обращали внимание читателей в вечность, уводили от сиюминутного. Синодики справедливо называют «книгой живых», потому как «мертвые в христианской религии не были «окончательно мертвы», умирали их бренные тела, а души переходили в иное состояние и в иной мир, но продолжали там жить и ожидать встречи с близкими»⁶. Но помянники были далеки от философского представления смерти как продолжения жизни. В помянниках была сама земная жизнь – в смене поколений, в последовательном, мерном и неотвратимом переходе имени человека из списка поминаемых «за здравие» в перечень поминаемых «за упокой». Но в этом «приземленном» понимании перехода жизни в смерть (или – вернее – в жизнь вечную) наблюдается бескорыстная любовь не по «корму», за жертвования (как в синодиках), не по чину, а просто потому, что поминаемый – близкий человек: не именитый, не богатый, ничем не отмеченный, кроме семейной родовой памяти. «Власть жизни» в помянниках видна также в том, что смена владельца помянника неизбежно влекла за собой смену именника или даже полное уничтожение списка имен, составленного предыдущим владельцем помянника (как правило, умершим). Это наблюдается не только в рукописных частных бумажных помянниках, но и в пергаменных церковных, представляющих собой, чаще всего, палимпсест, в котором новые имена написаны поверх соскобленных предыдущих.

В собрании Новгородского государственного музея хранится 28 помянников.

Три из них представляют собой пергаменные свитки, в двух из которых наблюдается очевидное вторичное использование пергамента. Согласно классификации С. В. Сазонова, они представляют собой, по-видимому, так называемые «алтарные помянники». Как пишет исследователь, во второй половине XVI – нач. XVII вв., в том числе в Кирилло-Белозерском монастыре, «повседневное поминание» превращается в «повседневные литейные списки», а затем в «литейные синодики». Синодик-помянник такого типа превращается в алтарный помянник, а собственно синодики именовались (по крайней мере, в XVII в.) «подстенными»⁷. Исследователь говорит о наличии в рукописных собраниях пергаменных рукописей-синодиков (что для книжности начиная с XV в. уже было редкостью); сам пергамен должен был, видимо, подчеркнуть «вечный» статус поминания. В случае с алтар-

---

⁶ Дергачева И. В. Древнерусский синодик... С. 5.

⁷ Сазонов С. В. О видах синодика-помянника // История и культура Ростовской земли. Ростов, 1993. С. 111–112.

ными помянниками в виде свитков из собрания НГОМЗ мы имеем дело, видимо, с подобного рода «вечными» поминальными списками, однако в двух из трех случаев эти списки были поновлены, будучи написанными на месте соскобленных старых. Впрочем, имея в виду более чем двухсотлетнюю историю их активного бытования, определение «вечное» (поминание) может быть воспринято буквально и не противоречить человеческим представлениям о достаточно долгом времени для молитвы за упокой души поминаемого.

Двадцать пять помянников из собрания НГОМЗ – книжечки разного вида, представляющие собой частные помянники. 18 из них создавались как изначально рукописные, 7 представляют собой печатные помянники с рукописными записями. Содержанием каждого из них являются почти исключительно именники (либо с предварительной записью типа «Помяни, Господи, души усопших раб твоих», либо без оной); в некоторых указаны имена князей, царей, патриархов, митрополитов; в части помянников содержатся имена, поминаемые и за упокой, и за здравие⁸.

Особое место в собрании занимает помянник II полов. XIX в. КП 29041 / КР 25. Это монастырский помянник, из Свято-Духовой Иаковлевой Боровичской обители. Он содержит общий помянник (упоминание персон царствующего дома, митрополитов и т. д.), а также братский помянник монастыря и помянник мирян, умерших разной смертью. Подобный помянник приближается по типу к синодику.

Исследователи, изучавшие помянники, утверждают: «Помянники представляют большую ценность как исторические источники: они позволяют установить имена участников различных исторических событий, определить круг вкладчиков и благотворителей того или иного монастыря или церкви; особенно незаменимы синодики в генеалогических и просопографических исследованиях – в изучении «коллективных биографий», семейных связей между лицами, проживавшими на одной территории»⁹. Подобное утверждение совершенно

---

⁸ Как указывает С. В. Сазонов, «статьи с поминанием за здравие живых были не во всех синодиках. В XV – нач. XVI в. деление повседневного поминания на две стороны стало анахронизмом, и оно все больше сближалось с собственно синодиками» (Сазонов С. В. О видах синодика-помянника. С. 111). Это обстоятельство еще раз говорит о правомерности разделения синодиков и помянников, особенно частного (индивидуального) вида последних, большинство из которых представляют собой помянники из собрания НГОМЗ.

⁹ Воробьева С. В., Пигин А. В. Заонежские помянники конца XVII–XVIII в. в рукописном собрании М. Н. Тихомирова // Нарративные традиции славянских литератур: от средневековья к Новому времени. К юбилею Е. К. Ромодановской: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 69. См. также: Алексеев А. И. Древнейший синодик Макариева Унженского Троицкого монастыря // Вестник церковной истории. 2007. № 4(8). С. 5–41.

справедливо¹⁰. Однако в случае, когда мы имеем дело с частными помянниками служебного характера (представляющие собой почти исключительно перечни имен, в лучшем случае – с указанием владельца помянника и места его проживания, а также года начала составления поминального списка), трудно говорить о каких-либо обобщающих выводах исторического характера. Интересными, несомненно, будут наблюдения в области топонимики, а также антропоники (в случае статистического анализа содержащихся в помянниках именников разных времен и территорий), однако и они будут носить характер известной доли вероятности, имея в виду крайне малую часть из сохранившихся помянников. Вероятно, изучение частных помянников может внести определенные уточнения в историю изучения практики частного поминания в русской церковной и околоцерковной культуре, особенно если помянники отражают традицию предикативного обозначения особенностей поминаемого лица (его родовые, профессиональные характеристики, вид смерти, его постигшей (чаще всего безвременной), иноческий статус и др.) – что наблюдается достаточно редко, зачастую лишь в монастырских помянниках, являющихся разновидностями синодиков или их типов.

По нашему мнению, история частных помянников напрямую связана с историей книги.

Возможность появления частных помянников как кодексов стало возможной при ориентации книжной культуры на индивидуального, простого заказчика, при удешевлении самого процесса создания книги небольшого формата, рассчитанной на заполнение ее текстом самим владельцем. Подобные процессы, судя по сохранившимся источникам, происходили не ранее XVII в. Массовая культура «диптихов»-помянников стала свидетельством не только общей тенденции развития интереса к философии загробного мира, отразившегося в расцвете жанра синодика (в том числе лицевого), но и в обретении народной культурой своего голоса, своего права устраивать индивидуальную духовную жизнь, в том числе в виде письменного «книжного» слова, до этого составлявшего своего рода элитарный пласт культуры. Явления активизации традиции частных помянников в XVII–XVIII вв. закономерно сменяются периодами сокращения количества поминальных книжек или их полного исчезновения (в советскую эпоху), возрождения обычая ведения помянников в постсоветское время, угасания традиции

---

¹⁰ При этом исследователи призывают к осторожному обращению к материалу, содержащемуся в синодиках и их поминальных частях (см.: *Левицкая Н. В.* Синодики-помянники в русской историографии XIX–XX вв.: (Источниковедческие аспекты)).

в современную нам эпоху цифровых технологий¹¹. Все это напрямую связано с историей книги в целом как явления рукописно-печатной эры зафиксированного слова, в настоящее время переходящего на другой уровень.

В анализе частных помянников XVII–XX вв. самым информативным является книговедческий и читателеведческий материал – особенно в тех случаях (подобно нашему), когда установление персон, упомянутых в рукописи, невозможно либо не является целью исследования. Время создания кодекса, имя владельца, место, год начала поминальных записей, количество имен, группы поминаемых лиц по их социальному статусу и причине смерти, смена владельцев помянников, количество почерков записей, формы имен (в том числе уменьшительно-ласкательные или имена с патронимами), наличие записей, не относящихся к основному тексту, рисунков и помет, степень и вид загрязнения листов (залоснение, наличие следов воска и др.), внесение уточняющих помет в именник последующими авторами записей. Особое внимание следует уделить вложенным в помянники дополнительным листам, которые наличествуют в нескольких помянниках. Имея в виду их ничтожную ценность для кого бы то ни было, кроме авторов записей на них, чрезвычайно важным оказывается сам факт наличия этих дополнительных листов, чаще всего представляющих собой именники. Причем в дополнительных листах в собственно помяннике-кодексе не было необходимости: не заполненными оставались многие листы книжки. Можно предположить, что вложенные листы тщательно хранились либо как необходимые списки для церковного поминания за вклады и пожертвования (как в монастырском синодике-помяннике из Свято-Духова Иаковлева Боровичского монастыря), либо как собрание поминальных записок семей, связанных друг с другом кровно-родственными связями, либо как свидетельство вероятного существования практики собирания нескольких церковных записок человеком, отправлявшимся на службу в село, где был храм, у своих соседей – жителей деревни, где не было своей церкви (на это указывают случаи наличия в одном помяннике нескольких вложенных листов разного типа и заполненных разными почерками). Впрочем, подобные предположения существуют лишь в виде гипотез, поскольку никаких свидетельств в исследованных нами источниках в подтверждение предположений не обнаруживается.

---

¹¹ Опираемся на наши наблюдения над современной приходской жизнью Великого Новгорода (*Герешкина Д. Б.* Текстовое пространство современного приходского православного храма (основные вопросы исследования) // *Культура и текст.* 2017. № 2 (29). С. 173–186). Помянники (по крайней мере, подаваемые к прочтению на службе) используются в единичных случаях.

Следует отметить, что тип помянника по его происхождению (изначально создававшийся как печатный или как рукописный) диктовал вид и содержание записей в нем. Печатный серийный помянник не оставлял выбора и ограничивал творчество; все необходимые данные о поминовении были опубликованы в прилагавшихся в конце помянника статьях. Рукописные помянники более разнообразны по содержанию и способу ведения записей; рубрикация, расположение именника, наличие предикатов-определений, распространенных записей о дате смерти лица и дат его церковного поминовения – все это, в целом сходное, ни разу не повторяется точь-в-точь. Специфика рукописной (эсклюзивной) книги проявляется даже в таком служебном типе книги, как частный помянник.

Как правило, лишенные каких бы то ни было пространных записей, помянники являются еще более скупым и фрагментарным по содержанию источником, чем, например, индивидуальные записные книжки. Тем не менее даже подобного рода малые сведения оказываются в совокупности достаточной информацией о культуре ведения помянников, о распространении самой традиции составления помянников как книг родовой памяти.

Археографический обзор

Три пергаменных помянника в виде свитков¹².

КП 25986 / КР 640 Помянник. Пергамен (31 × 11,7 см), деревянный валик (32 × 2,5 см). XVII в. Происхождение неизвестно. Разрывы листа по нижнему краю до 4,0 см. Коробление и проколы по всему листу. Общее загрязнение. Деревянный валик расколот, в трещинах. Угасание текста.

Верхняя строка рукописи – скоропись: «Господи помяни души усопших». Ниже тем же почерком: «раб своихъ и рабынь раба//своего Варфоломея Ирины//Михаила иерея Ермолая священно//диякона Василия Онисии (+16 строк имен). Последние три строки написаны полууставом: «Поминание Симеона//Варфоломиева диревни//... мица».

---

¹² Пергаменные помянники в виде свитков в собрании НГОМЗ исследованы нами *de visu*. Однако поскольку они очень ветхие и любое внешнее воздействие на пергамен чревато дальнейшими его потерями и порчей, пользуемся описанием, выполненным сотрудниками отдела письменных источников Новгородского государственного музея-заповедника Л. И. Ерышевой и Г. К. Маркиной.

КП 25986/592 / КР – 639 Помянник [Кирилло-Белозерского монастыря]. XVI–XVII вв. Валик 32 × 3 см, пергаменный столбец 61 × 16 см. Вторичное использование пергамена. Пергаменный лист потерт, разрывы по нижнему краю, коробление, загрязнение. Текст – коричневыми чернилами, полуустав и скоропись XVII в. – выполнен по стертому тексту. Верхняя строка рукописи – вязь киноварью: «Г[оспо]ди помяни души» (почти угасшая). Ниже коричневыми чернилами полууставом XVI в. «раб своих и рабынь прежде почивших//вѣка сего от Адама и до сего дни...» (далее общее поминание патриархов, царей, архиепископов и епископов), в том числе: «...помяни Господи, преподобнаго отца нашего игумена Кириллбелозерьска». Ниже небрежный полуустав XVI в. – пять строк с перечислением имен. Ниже небрежный полуустав вперемежку со скорописью XVII в. – 22 строки с перечислением имен. На обороте, в середине столбца, небрежный полуустав вперемежку со скорописью XVII в. – 12 строк с перечислением имен.

КП 25986 / КР751 Помянник из Крестовоздвиженской Ворбозомской церкви¹³ XVI–XVII вв. Пергамен, дерево. Пергаменный лист: 62,0 × 21,4 см.

Валик: 36,3 × 1,2 × 4,0 см. Пергамен с дырами, проколы по всему листу, разрывы по нижнему краю до 8 см; коробление, общее загрязнение; потемнение нижней части свитка. К середине валика приклеен каталожный ярлык библиотеки Новгородской духовной семинарии. На каталожном ярлыке в синей типографской рамке скоропись XIX в.: «Отн. к XVI в. Принадлежал свящ. Крестовоздвиженской Ворбозомской церкви Александру Смирнову. кат. № 27/1 – III отд.». Пергамен использован вторично.

Верхняя строка рукописи – вязь киноварью: «Помяни Господи души усопших ...». Ниже полуустав XVI в. «раб своих и рабынь прежде почивших века сего от Адама и до сего дни...» (далее общее поминовение патриархов, царей, цариц и чад их). Далее текст соскоблен. По верху соскобленного текста небрежный полуустав XVII в. черными чернилами: «Помяни, Господи, умерших от Адама до сего дни» – далее 40 строк с перечислением имен. На обороте столбца полуугасший текст, выполненный несколькими почерками небрежным полууставом вперемежку со скорописью XVII в.

Далее приводим археографический обзор помянников в виде кодексов самых разных типов. Датировка по филиграммам не произ-

---

¹³ Крестовоздвиженская Ворбозомская церковь находилась в селе Воздвиженье на Ворбозомском озере Белозерского уезда Новгородской губернии.

водится: большая часть памятников позднего происхождения, а в остальных из-за малого формата листов филигрانی сохраняются лишь ничтожными фрагментами. Датировка помянников дается по палеографическим признакам и писцовым записям.

КП 32209-6 / КР 383 Помянник Захария Авраимева. XVII в. и более поздние записи. 8 × 10,8 см. Переплет – доски в коже с тиснением. Бумага повреждена жучком, потрепана, листы сильно загрязнены на углах, со следами воска. Записи нескольких почерков полууставом и скорописью.

Записи: л. 1 «Сие поминание Захария Авраимева и дѣтей его Павла и Петра и Данила з Горы Даниловы»¹⁴. Л. 1 об. в круглой рамке повторена запись о принадлежности помянника Захарію Авраимеву. Л. 2 – «Помяни, Господи, душа усопших рабъ своих и рабынь, прежде почивших века сего от Адама и до сего дни. Святѣйшихъ вселенскихъ патриарх, православныхъ царей / л. 2 об. и цариц и чадѣхъ ихъ; преосвященныхъ митрополит, благовѣрныхъ великихъ князей и княгинь и чадъ их, боголюбивыхъ архиепископовъ и епископовъ, архимандритовъ / л. 3 и его игуменовъ и весь чинъ священнический и иноческий и диаконский и весь причет церковный. Помяни, Господи, душа дѣдъ и прадѣдъ, и отцевъ и праотцевъ, издѣже лежащих / л. 3 об. и повсюду православныхъ христиан. Помяни, Господи, вся ближняя рода моего рабъ своихъ и рабынь...» (далее следует именной). С л. 7 – другой почерк (полуустав, переходящий в скоропись). Лл. 17–27, 31 об. – 33 – пустые. Л. 27 об.: «Сие поминание деревни Балугево¹⁵ Олексе Иванова сына. Помяни, Господи, души рабихъ своихъ...» (далее именной). На обклейке нижней крышки переплета – записи типа «проба пера» разных почерков, включая первый. На обклейке верхней крышки переплета – «Старцовыхъ» (?).

КП 32209 – 5 / КР 382 Помянник, нач. часть – XVII в. 7,3 × 10,4 см. Переплет – доски в коже с тиснением, застежки утрачены. Бумага сильно залоснена, повреждена жучком, обтрепалась. Записи разных почерков – именной, им заполнены все листы.

КП 32209 – 3 / КР 381 Помянник. Кон. XVII в. 7,5 × 10,2 см. Переплет – доски в светло-коричневой коже с тиснением. Застежки утрачены. Загрязнение бумаги. Полуустав и скоропись нескольких почерков. На л. 2 об. – в круглой двуцветной рамке книжным полууставом «Сие поминание», ниже полууставом, переходящим в

¹⁴ Под названием Данилова гора (или Космозерский погост) описана деревня в Олонецкой губернии, насчитывавшая во второй половине XIX в. более 200 жителей [Электр. ресурс]. URL: <http://xn----7sbehhevkhuhcb0b4b4bzki.xn--plai/w/snmone/364>. (дата обращения: 06.07.2017).

¹⁵ Деревни с названием Балугево есть, в том числе, в Вологодской, Новгородской областях.

скоропись (другой рукой): «Григорья Мартемьянова». Л. 2 – первым почерком (полууставом) начальный текст помянника: «Помяни Господи души усопших раб своих и рабынь» далее имена другим почерком. Именник в помяннике написан в разное время разными почерками. На обклейке верхней крышки переплета несколько имен именника, на обклейке нижней крышки переплета полууставом «по милости о здравии Иоанна». Блок листов вшит в переплет наоборот – видимо, при неумелой реставрации помянника.

КП 32209 – 1 / КР 379 Помянник. XVII в. 8 × 10 см. 8 несшитых листов без переплета. Разорванные места листов прихвачены суровой веревкой. Листы исписаны плохо читаемой скорописью светло-коричневыми угасающими чернилами. На л. 1 об.: «Сие поминание Мокея Кондратьева деревни Баруева¹⁶».

КП 32209 – 2 / КР 380 Помянник Семена Мокеева. XVII в. 9 л. 7,3 × 5 см. Листы вложены в переплет-сумку 9 × 9 см. На листах – запись нескольких имен небрежной скорописью светлыми угасающими чернилами.

КП 32209 – 7 / КР 385 Помянник Михея Иванова. 6,3 × 9,5 см. Нач. XIX в. 14 л. голубой бумаги. Переплет – доски в коричневой коже с тисненым цветочным орнаментом на нижней крышке. Полуустав и скоропись нескольких почерков. Л. 1 об.: «Сие поминание деревни Борисовы¹⁷ крестьянина Михея Иванова по прозванию Кожевниковых». Л. 2–4 – именник разных почерков, в том числе гораздо более поздних.

КП 32209 – 4 / КР 384 Помянник. XVII в. 6,2 × 9,9 см. 10 л. Переплет – доски в коричневой коже, застежки утрачены. Л. 10: «Сие поминание деревни Сехнова Павла Иванова з дети сво». Л. 1–4 – именник, писанный скорописью светло-коричневыми чернилами.

КП 32209 – 12 / КР 390 Помянник Михаила и Никиты Пелевиных. Нач. XVIII в. 18 л. 8 × 11 см. Переплет – доски в коже; кожа и половина нижней крышки переплета утрачены. Л. 1 об.: «Сие поминание белозерцов Михаила да Никиты Ивановых детей Пелевиных». Л. 2–7 – именник (в том числе иноческий) разных почерков; на л. 13 полууставом: «1744 году декабря <нрзб.> дня преставися рабъ Божий Михаило Ивановъ сын Пелевинъ»; далее другим почерком скорописью приписано «дорогой ... (далее нрзб.)»; л. 13 об.–16 – записи о смерти разных лиц 1734 г., 1783 г.; л. 17 об.–18 – плохо читающиеся записи, в том числе типа проба пера.

Из записей следует, что один из первых владельцев помянника, Михаил Иванов сын Пелевин, умер в 1744 г.

---

¹⁶ Топонима «Баруево» не обнаружено; следует думать, что это «Балуево».

¹⁷ Вероятно, деревня Борисово в нынешнем Старорусском районе Новгородской области.

КП 32209 – 11 / КР 389 Помянник. Кон. XVII – нач. XVIII вв. 8 × 10,4 см. 12 л. Без переплета. Без начала (утрачено несколько тетрадей блока). Л. 1–11 – общий помянник (стандартный текст); л. 11 – «Род священника Алексея» (далее, л. 11–12 об.) перечислены священноиереи, схимники, схимницы. В общем помяннике перечислены цари (последним указан Михаил), царевичи (последние имена – Дмитрий, Иона и Симеон), царицы (последнее имя – Александра схимница), царевны (Евдокия (инокиня), Феодосия, Анна (ее имя приписано на правом поле другими чернилами), патриархи (последнее имя – Иоасаф), митрополиты (Варлаам, Иона, Кирилл, ниже другим почерком приписано имя архиепископа Маркела). Писаны молитвы за людей московских и замосковских, «за Пречистые Богородицы дом» (л. 6 об.) литовцами побитых.

37003 / КР 426 Синодик-помянник. 10,3 × 15 см. XVII–XIX в. (XX в.?) В картонном переплете. Черные чернила, полуустав. Постраничная пагинация, сделанная позже. С. 1 – в рамке растительного орнамента «Книга синодик сиречь помянник» с указанием даты славянской цифирью: 1697. На обклейке (из тетради в клеточку) верхней крышки переплета запись XX в. (?) карандашом: «покой Гос[поди] душу усопшия [добавлено синей шариковой ручкой другим почерком: «раб своих»] Евдокии и Агафьи». Стр. 1–78 – синодик (чин поминовения усопших и стандартное предисловие синодика – общее поминание). Пять вложенных листов другого формата с разновременными текстами апокрифического характера; одна из записей – сохранившаяся часть текста скорописью с указанием даты (1865 г.) и подписью «Михайловъ» (ниже другим почерком: «Петровъ»). Еще один вложенный лист – с тропарем за здравие, ниже него другим почерком: «За здравие Иоанна Февронии Акилины».

КП 32209 – 8 / КР 386 Помянник. XVIII в. 5 × 8 см. Переплет – доски в коричневой гладкой коже. Застежки утрачены. На обклейке верхней крышки переплета: «Помяни Господи ихже нѣкому помянути». Все листы заполнены именником. Полуустав и скоропись нескольких почерков.

КП 32209 – 9 / КР 387 Помянник. 1764 г. Без переплета (сохранились остатки картонной обложки с растительным орнаментом). 7 × 7,7 см. 25 л. Очень ветхий, разрушается; листы разорваны, повреждены огнем, со следами насекомых. Л. 2 – скорописью: «Сие поминание деревни Зачасовенной Якова Яков[лева] и Степана»; л. 2 об.–6 – помянник; л. 6 об.–21 об. – чистые. С другой стороны тетради: л. 1 чистый, л. 2 «Сия поминания лейб-гвардии коннаго полку роты [еф]рейтара Лаврентия Семенова 1764 года октября 14 дня»; л. 3–4 – помянник (именник) Лаврентия Семенова; л. 4–5 об. – именник другим почерком.

КП 32209 – 10 / КР 388 Помянник Ильи Андреевича сына Родионова. 1746 г. 7,4 × 13 см. 12 л. Кожаный переплет, на нижней крышке – тиснение растительным орнаментом. Металлические восстановленные застежки. Переплет реставрирован, по 2 припереплетных листа с каждой стороны. Л. 1 об. – в ажурной круглой рамке киноварью «Сие поминание бѣлозерца посацкаго чел[ове]ка Ильи Андреевича сына Родионова. 1746 г.» (год писан другими чернилами); л. 2–5 – помянник (именник) в два столбца; л. 6, 7 – поминание младенцев. Основной почерк – красивый книжный полуустав, заглавные буквы каждого имени писаны киноварью. На л. 5 другим почерком дописаны имена, в том числе «схимника Андрея Родион[ова]» (отца владельца помянника?); л. 8–9 – чистые; л. 10–10 об. – пространные записи скорописью о преставлениях разных лиц (указаны точные даты 1703, 1720 гг.), в том числе запись о преставлении отца владельца помянника: «1744 году октября 27 дня преставися раб Божий Андрей Ивановъ сынъ Родионовъ, а память ево бываетъ августа 19 дня» и его самого: «1749-го году апреля 24 дня преставися раб Божий Илия Андреевъ сынъ Родионовъ, а память его бываетъ иулия 20 дня» (л. 10 об.); л. 11–11 об. – чистые; л. 12 – запись типа проба пера «можеша если захочеша» (?).

КП 29041 / КР 25 Помянник. II полов. XIX в. 22,3 × 36,7 см. 16 + 1 л. В картонном переплете. Гражданский полуустав. Некоторые листы утрачены, перепутаны. Л. 1 – «Часть первая. Помянникъ въ собственное коегожде христианина спасение»; л. 2–2 об. – чин поминовения усопших (молитвы); л. 2 об. – молитва за царствующий дом, императора Александра Николаевича и императрицу Марию Александровну, за митрополитов (для имени митрополита оставлено место); далее – общий помянник до л. 4 об.; л. 5 – «Часть вторая. Помянник во упокоение и спасение въ вѣрѣ и благочестии отшедшихъ ко Господу праотцевъ и отцевъ, братий нашихъ и всѣхъ православныхъ христианъ»; л. 6–16 – чин поминовения, начиная с князей (Мономаха и др.), государей и государынь и др. (оставлены места для вписания последующих имен); л. 9 – «Помяни, человеколюбче Господи, другихъ усопшихъ рабъ Твоихъ православныхъ настоятелей Тобою хранимыя святыя обители Святаго праведнаго Иакова, Боровическаго чудотворца, священноархимандритовъ Илария, Иннокентия, Димитрия, Петра, Вениамина»¹⁸ (оставлены чистые столбцы); далее перечислены имена иеромонахов, иеродиаконов, монахов и других почивших насельников обители Иако-

---

¹⁸ Вениамин (Поздняков), герой Крымской войны, первый духовный наставник игумении Таисии Леушинской, был архимандритом Свято-Духова Иаковлева Боровического монастыря с 1862 по 1874 гг. Затем он был переведен в Валдайский Иверский, а далее – в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. Запись в помянник Боровического Свято-Духова монастыря была сделана после 1890 г.

ва Боровического (братский помянник); далее общий помянник мирян, разной смертью умерших.

В кодекс вложен лист, исписанный именами представителей разных родов, имеющий нумерацию «137»; судя по всему, представляет собой один сохранившийся лист из комплекса помянников-именников, влагаемых в общий помянник. Перечислены: род Логина Губарева (перечислены 53 имени), купчихи Каратниковой (21 имя), московского купца Димитрия Сенгина (?) (16 имен), валд[айца] (?) Колесова (11 имен), вдовы Параскевы Ивановой, деревни Пестова Тихоновой, дьячка Феодора, из Едрова Екатерины, деревни Шуи Крес[тецкаго] [уезда] Тимоф[ея] Булышкина.

КП 37215 – 4 / КР 429 Помянник. 7,8 × 11,8 см. XIX (?) – XX вв. 12 л. В кожаном черном переплете с тиснением (крест) на верхней крышке, ромбовая сетка на нижней крышке. Почерк, стилизованный под полуустав; гражданская скоропись.

Сначала принадлежал одному лицу. Черными чернилами на обклейке верхней крышки переплета сделана владельческая запись (не читаемая под поздней записью), этой же рукой и чернилами сделаны записи основной части имен на л. 1 и 2. Затем л. 1 и 2 были вырезаны (у корешка остались лишь тонкие полоски с частью текста), на последующих листах вписан другой рукой фиолетовыми чернилами новый именник (младенцев, девиц и др.); поверх изначальной владельческой записи сделана другая (фиолетовыми чернилами и тем же почерком, что и в именнике) (XX в.): «Сеи (так!) поминание деревни Серганихи¹⁹ Антоновой Парасковии».

36763 / КР 419 Помянник. 11,5 × 15,3 см. В матерчатой обложке с тиснением. Листы сильно загрязнены, выпадают. 2 части. I часть: Л. 1 об. В круглой рисованной рамке красно-зеленого цвета «Сие поминание Агафона Алексеевича г-на (?) Большакова дер[евни] Грядска²⁰» приписано мельчайшим почерком славянской цифирью: «1917»; л. 2 – заставка растительного орнамента, в цвете. Ниже вязью: «Покой Господи душа». Далее стилизованным под полуустав почерком: «усопшихъ рабъ своихъ и рабынь»; л. 2–22 об. – именник разных почерков (помимо основного), разных чернил и карандашей, часть записей выдают малограмотного писца. Общий список; отдельно поминаются отроки, младенцы, девицы, монахи. Основной почерк – красивый, ровные строчки, начальные буквы выделены киноварью. II часть – меньшего формата (8,5 × 13,3), 26 л. Подшита к I части, без обложки. Л. 1 киноварью: «Сие поминание деревни Грядка Евдокии Васильевной

---

¹⁹ Вероятно, деревня Серганиха в нынешнем Валдайском районе Новгородской области.

²⁰ Вероятно, деревня Грядско в нынешнем Солецком районе Новгородской области.

(так!); л. 2–26 – именник нескольких почерков, чернилами и карандашами. Вложен лист 10,5 × 15 см со списком усопших («Покой Господи души усопших») и далее мужские и женские имена в два столбца. Отдельное поминание девиц, младенцев, иноков. Смешение падежей в поминальном списке.

КП 37215-6 / КР 431 Помянник. Кон. XIX – нач. XX в. 9,2 × 13,4 см. 13 л. Переплет – картон в темно-красной ткани. Гражданский полуустав, скоропись. Л. 1 об. – круглая рамка в растительном орнаменте с поминальным крестом; черные чернила, краски (красная, зеленая, золото). В рамке: «Сие поминание Ирины Васильевны г[оспожи] Васильевой»; л. 2 – заставка растительного орнамента, раскрашена так же, как рамка на л. 1 об. «Покой Господи душа усопшихъ рабъ своих и рабынь»; л. 2–8 – именник, писанный разными почерками в разное время; на л. 7 – пять имен с пометой «уб.» («убиенный»), ниже зелеными чернилами шариковой ручкой приписано: «без покаяния»).

КП 41922 / КР 490 Помянник. Кон. XIX – нач. XX в. 10,5 × 13,3 см. Переплет – картон в коже с тиснением ромбовой решеткой с одной стороны. Листы загрязнены.

Л. 1: «Сия поминан...» (фиолетовыми чернилами). Черными чернилами: «Сия поминанья принадлежить Федору Оульяновичу Асколкову». Другими чернилами и почерком: «Сия поминанья принадлежить (!) Евтею Оульяновичу Асколкаву». Ниже приписано другой рукой, фиолетовыми чернилами «и Ильи Ефтѣевича»; л. 1 об. – изображение Голгофского креста; л. 2 – в рамке с растительным орнаментом – начало именника (слева на поле напротив первых имен написано «отцы давные»). Далее именник разных почерков, чернил и времени внесения записей; л. 10 об. – фиолетовыми чернилами: «Сия поминанья принадлежить Федора Ульяновичу Осколкава (так!) месица апрѣля 23 день 7919 (ошибочно?) года». Ниже вверх ногами: «Сия помин».

36533 / КР 418 Помянник. 20–30-е гг. XX в. из деревни Окулово²¹. Печатный карманный помянник из издававшихся большими тиражами. Содержит гравюру «Сошествие во ад», в приложениях – статьи о поминовении. К нижней части картонной обложки пришта репродукция с портретным изображением неизвестной святой. Записи имен простым карандашом гражданской скорописью: 9 имен за здравие, 15 – за упокой.

37215 – 5 / КР 430 Помянник. Картонная обложка типографского помянника, шит блок листов. Записи нескольких почерков, стилизованных под полуустав. Л. 1 – «Сие поминание христианки Захаровой

---

²¹ Вероятно, деревня Акулово в нынешнем Любытинском районе Новгородской области.

Евфимии Иоанновны. 1947 года 31 января»; л. 2 – «Покой, Господи, душа усопших рабъ своих и отецъ нашихъ духовныхъ» (далее именник – 8 мужских имен); л. 3 – «Покой, Господи, душа усопшихъ рабъ своихъ и рабынь» (именник из 9 мужских имен); л. 4–16 женских имен; л. 5 – поминание четырех девиц, двух мучениц, еще 4 имени дописаны другим почерком; л. 4 об. – 3 мужских имени, 3 – женских.

35720 – 34/КР – 416 Помянник Федора Тимофеева Филичева деревни Мотылья²². 20–30-е гг. XX в. 8,5 × 12 см. Типографская книжка неизвестного года издания (нач. XX в.) тиражом в 10 000 экз. Черная бархатная обложка поверх типографской. Некоторые листы утеряны. На обклейке верхней крышки обложки «Филипова», «Яковлева». На обклейке нижней крышки (фиолетовыми чернилами): «Сие поминание пренадежить крестьянину дер[евни] Мотылья Феодору Тимофеевичу Филичеву (?)». Переклеены припереплетные листы. Л. 1 – «Поминание. С приложением статей о поминовении усопших», л. 1 об. – гравюрное изображение «Сошествия во ад», л. 2 – рисунок Голгофского креста, типографской печатью: «О упокоении. Помяни Господи рабов Божиих»; л. 2–4 об. – карандашом имена в Р. п. и Д. п. Несколько почерков, карандаши разных цветов; л. 5–5 об. – печатный текст «Дни поминовения усопших».

КП 43344 / КР 526 Помянник печатный. Нач. XX в. в металлическом переплете (на верхней крышке – чеканное изображение Троицы ветхозаветной с Авраамом, на нижней крышке – крест на Голгофе). 13 л. 8,3 × 12 см. На обклейке верхней крышки переплета – карандашом гражданской скорописью «Деревни Дубровки Тимофея Осипова». На обклейке нижней крышки переплета запись коричневыми чернилами скорописью «1915 (нрзб.) марта (нрзб.)» Часть листов заполнена именником (почерком 1915 г.); часть из имен обведена позже простым карандашом; дополнение имен другими почерками.

Детские каракули синим карандашом (имитация списков имен л. 2 об.–4; ребенком синим карандашом закрашены фигуры гравюрного изображения предстояния у креста на л. 5).

В помянник вложен лист из ученической тетради в косую линейку с перечнем имен за упокой и (на обратной стороне) «Заоздравие» (*так!*) со следами воска; среди имен за упокой – 2 воина.

КП 43344 / КР 525 Помянник – такой же, как предыдущий (издание 1904 г. в металлическом переплете). Бумажный блок в очень плохой сохранности, листы порваны, загрязнены, из переплета выпадают. 5 л. Гражданская скоропись.

---

²² Вероятно, деревня, ныне носящая название Мотыли, в Удомельском районе Тверской области.

На обклейке верхней крышки переплета: «Сих (!) поминание деревни Дубровка Дмитрия Степанова».

На обклейке нижней крышки переплета – детской (?) рукой синим карандашом крест.

Содержание – именник нескольких почерков. Дмитрий (первый владелец помянника) поминается как живой, затем имя его вписано в перечень имен, поминаемых за упокой.

КП 38225/КР 440 Помянник. Печатное издание 1904 г. в металлическом переплете. На верхней крышке чеканное изображение Серафима (Саровского), на нижней – патриарха (?). 8,3 × 11,5 см. 12 л.

Содержание – именник нескольких почерков гражданской скорописью, карандашом и чернилами. На л. 2–2 об. записи имен о здравии и спасении; каждое из них зачеркнуто. Детские рисунки карандашом на л. 2 об. На обклейке верхней крышки переплета черными угасающими чернилами скорописью: «Деревни Малья Веретья²³ Ивана Алексева»; ниже – фиолетовыми чернилами другим почерком: «Д. Большое Веретья²⁴ Осипава Авдотьи Иванова (так!)».

КП 38086-15/КР 438 Помянник. II половина XX в. 10 л. 9 × 13,3 см. Печатный помянник издательства «Хоз. управления Московской патриархии». Переплет – картон в коленкоре. Гражданская скоропись. На верхней крышке изображение креста золотистым цветом. Шариковой ручкой на обложке под крестом: «де [ревни] Новоселицы²⁵». На обклейке верхней крышки переплета: «Деревня Новоселицы дом 24 Федотова Анастасия Васильвна (так!)». Часть листов заполнена именником в Р. п. и Д. п.

---

²³ Вероятно, деревня Малое Веретье, ныне находящаяся в Осташковском районе Тверской области.

²⁴ Вероятно, деревня Большое Веретье Осташковского района Тверской области, находящаяся в двух километрах от деревни Малое Веретье.

²⁵ Вероятно, деревня Новоселицы Новгородского района (ныне относится к Савинскому сельскому поселению).